

ПЛЕНИТЕЛЬ КОСТЮШКО ФЕДОР ИЛЬИЧ ЛЫСЕНКО

Федор Ильич Лысенко родился в начале 1750 года в Курской губернии¹, под соломенной крышью казацкой хаты. Лета беззаботного юношества его протекали в семейственном покое и полевых работах. Но дух его воспламенялся при виде казаков в воинских доспехах; сердце его трепетало от радости всякий раз, как удавалось слышать ему гром победной пушки; юный Федор чувствовал, что он может быть счастлив только на поле битвы и замыслил переменить мирную жизнь селянина на заботную – солдата. Однако он не смел открыться в непоколебимом желании своем родным своим, боясь их слёз, увещаний, молений...

Любимая дума сия не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Однажды, когда все домашние его спали, он потихоньку встал и прокрался в сад. Вдруг сверкнула на небе падающая звезда. Федор слышал, что это худое предзнаменование: страх и совесть боролись в душе его с пылкой, необузданною страстью; он кидается на колена и, успокоясь теплою молитвою, идет в хату, чтоб взглянуть еще раз на доброго отца и мать, и, приложась с усердием к прародительскому образу Св. Николая Чудотворца, бежит из дому родительского по дороге в Корочу.

Скоро поутру хватились Федора, искали его повсюду, но тщетно! Долго недоумевали, куда он мог деваться, что с ним могло случиться? Долго размышляли, как отец, припомня некоторые нескромные слова юноши, обнаружившие страсть его к воинской службе, положил, что, верно, он ушел в город, записаться в солдаты, где происходил тогда рекрутский набор – и не обманулся!

Пришедши в Корочу, престарелый отец его идет прямо к полковнику, кидается к ногам его, умоляет его о возвращении ему сына – единственной опоры целого семейства. Добрый полковник трогается слезами старца и отдает ему Федора.

С какой радостью встретило его целое семейство, целое селение! Одни упрекают его, другие соболезнуют о нем, плачут и, наконец,

все торжествуют его возвращению. Сам добрый Федор, увлекаясь чувствованиями родства и дружбы, забывает на минуту неудачу своего предприятия и льёт слезы удовольствия.

Лето и осень миновали, настала зима. Длинные темные вечера возродили мрачную, отдаленную думу в сердце Федора. Он ищет в мыслях страны, куда бы не достигли его вопли отца, отчаяние матери и собственные вздохи о родине. И бежит на границу Таврии², где расположен был Харьковский гусарский полк. Командир не поколебался ни минуты принять в службу молодца с розовым, геройским лицом, станом легкого и сильного. И так Федор вошел в действительную службу 1-го января 1772 года.

Как жаль, сказал однажды ротмистр, что Лысенко не знает грамоты, я бы сделал из него славного вахтмистра и – Федор тотчас принялся за азбуку. К счастью, крестьянин, у которого стоял он на квартире, был человек грамотный. Выучив азбуку, взялся он за Псалтырь, и вскоре уже читал оную бегло: то в полковой, то в приходской церкви. Ротмистр удивился, услышав нового чтеца: тотчас пожаловали его в капралы, а потом в ротные квартирмистры.

Вскоре закипела брань: легионы русские полетели в Крым³. И здесь-то, на заре воинских подвигов, Федор едва не лишился жизни самым жалким образом. Утомленный зноем и трудами похода, крепко заснул он однажды в степи во время роздыха. Ударили поход, быстро вскакивает Федор и чувствует, что в кармане чехла лежит у него что-то тяжелое, холодное. Он хочет опустить туда руку, как по счастью выказывает из кармана, шипя, свое жало огромная, ужасная змея и опять туда прячется. Федор кличет товарищей, саблями распаривают ему чехол и убивают ехидну. Старые солдаты толковали сей случай за самое доброе предзнаменование для Федора, и в самом деле их предсказание сбылось удачнее многих предвещаний Дельфийских оракулов!

Храбро сражался Лысенко под стенами Очакова⁴, где ликовала смерть на каждом шагу. Здесь он приобрел от товарищей имя храброго, а от начальства пожалован вахтмистром. С тем же мужеством и усердием бился он под Бендерами, Белградом, у Килии⁵ и в кровавой упорной битве Мачинской⁶. Война уже не имела для него ничего ужасного, огонь казался

невредимым, как чуть-чуть, для искушения мужества, не потонул он в небольшой речке при переправе.

Царства, подобно человеку, рождаются, возрастают, цветут и исчезают. Это мы видели с Польшею.

Лысенко был в числе русских воинов, занявших Варшаву посреди всеобщего бунта⁷. Настала тишина - предтеча неслыханных ужасов. На страстной неделе, когда воспоминание величайшего в мире события, примирившего Бога с виновным человеком, должно было умирить страсти христиан и напечатать, что все люди братья и дети единого Отца, составилась в Варшаве гнусный заговор против русских – и подал знак к кровопролитию. Поляки нападают внезапно на русских, под Федором убиты две лошади, и он присоединился к пехоте, бывшей под командою храброго Батурина. Двор, где заперлись они, был так тесен, что нужно было непременно занять соседний дом, дабы действовать с успехом; Федор взлетает первым на забор - тысячи пуль свистят вокруг него, он обступает и падает на забор. К счастью, он мог укрыться в сене, ему приходит удачная мысль выстрелить в сено из пистолета: сено вспыхивает, пламя распространяется. Поляки, не зная откуда происходит огонь, оставляют соседний двор, и Федор дает знать товарищам, чтоб ломали скорее стену и заняли дом.

Несчастье сближает страдальцев, в минуты опасности все звания равны, и только мужество, одно присутствие духа дает преимущество. Лысенко вместе с храбрым Батуриным делается предводителями горсти русских, окруженных всеми смертями. Со знаменем в руках выходят они из засады своей, подобно вырвавшемуся из оплота свирепому источнику, штыками и саблями прокладывают себе путь посреди картечи и пуль, сыплющихся на них градом. У Батурина сарматская⁸ пуля оторвала палец на руке, Лысенко, прострелен насквозь в икру. Батурин отдает знамя другому, но Лысенко, покрытый ранами, в изнеможении сил падает на груды убитых и умирающих. Остальные русские продираются за город и соединяются с прусскими войсками, приближавшимися к Варшаве. Лысенко ночью кое-как по трупам доползает к ним. Он посылается в лазарет и награждается чином корнета.

Вскоре усилено воинство российское в Польше; в стан русский прилетел орел севера,

гроза неприятелей России – Граф Александр Васильевич Суворов. Одно имя его уже наполнило поляков ужасом, а россиян радостью. Во всех встречах поляки были опрокидываемы и рассеиваемы; уже близок был конец сей бедственной войны, как в рядах сарматских внезапно появляется вождь мудрый, опытный, патриот жаркий, благоразумный – одним словом, генерал Костюшко⁹. Он соединяет оробевших поляков, клянется восстановить славу отечества или умереть на развалинах его. Поляки воспрянули духом, забыли партии, их раздиравшие, готовы на все пожертвования и, собрав грозную армию, под предводительством Костюшки бодро идут навстречу русским. Знамениты полководцы наши, храбро воинство русское, но и гений вождя Польского быстр, дальновиден, неутомим. Воины его дерутся как львы, потери его вознаграждаются сугубо ратниками, стекающимися из отдаленнейших пределов Польши. Долго бы еще не успокоилась Польша под знаменами сего предприимчивого, отважного генерала, долго бы еще пировала смерть и лилась кровь на стогнах, если бы не исповедимое Провидение, управляющее судьбою царств, не изрекло падения Костюшки, избрав Федора орудием к совершению сего важного, великого дела!

После многократных, частых ошибок, армии готовились дать 29 сентября 1794 общее решительное сражение¹⁰. Храбрый генерал Ферзен, переправившийся за реку Вислу, избрал для того поля Мазовицкие, находящиеся в 8 милях от Варшавы. Федор, влекомый неведомою силою, оживотворяемый непобедимым мужеством, испрашивает накануне битвы у шефа своего, бригадира Ф.А. Энгельгарда, позволение отлучиться во время бою для поражения неприятельского Главнокомандующего. Сколь ни безрассудно казалось сие дерзкое предприятие, ибо опытом доказано, что не только возможно пленить, но мудрено и достигнуть до военачальника любимого, составляющего душу армии; но Федор с такою убедительностью, с такою уверенностью спрашивал сего позволения, что наконец получил его.

С рассветом грозного дня войска выстроились одни против других. Загремела музыка, градом полетели ядра, дождем полились пули, двинулись полки, и пыль, мешаясь с дымом, щитит сияние солнечное.

Военачальники истощают все искусство, воины все силы свои. Пали тысячи, тысячи еще тонут в крови. Уже багровое светило склоняется к западу, уже ряды редуют с обеих сторон; но сеча не прекращается. Отчаяние и энтузиазм с одной стороны, жажда славы и праведное мщение с другой оспаривают победу. Русские делают счастливое движение, последнее усилие, и сарматы дрогнули, обратились в бегство.

Федор, подававший пример храбрости в пылу битвы, низложивший мощною рукою нескольких неприятелей, не упускает и сей решительной, славной минуты: он бодрствует с двумя казаками и двумя гусарами за движениями главнокомандующего польских войск, и, усмотрев орлим глазом, что он на быстром коне пустился по сторонней дороге, в сопровождении 10 улан – как молния, летит на свою добычу, далеко оставляет позади себя своих товарищей, врубается один в конвой Костюшки: четверо падают под меч его, пятый наносит ему рану; но тяжелый удар русского богатыря рассекает его надвое пополам, остальные ищут спасения в бегстве. Устрашенный Костюшко стреляет из пистолета, но роковая пуля пролетает мимо, и Лысенко в гневе и, опасаясь упустить свою добычу, наносит ему две раны саблею по голове. Костюшко падает без чувств, и Федор отвозит его с подоспевшими товарищами в русский стан.

Сим геройским подвигом Лысенко, так сказать, решил судьбу Польши. Граф Александр Васильевич¹¹ в ту же минуту поздравляет его поручиком и дарит от себя 500 червонных. Деньги сии благородный Федор разделил со своими сподвижниками. Пришедши в себя; Костюшко пожелал видеть своего покорителя. Ему представляют Лысенко. Осмотрев его с ног до головы, подивясь его грозному виду, его сильным мышцам и, как будто утишаясь, что взят воином, достойным быть пленителем таковой добычи, пожал ему руку. Вот первый трофей Федора! Признательность отечества, благодарность Екатерины ожидали его впоследствии.

Надеждана сие тем казалась основательнее, что как личный победитель Костюшки, он назначен был провожать его в Петербург, коль скоро раны позволят сему последнему предпринять путешествие. Скоро, Костюшко обмогся; уже Федор летит с ним к престолу

великодушной монархини¹², как усталость пути и скорбь открывают раны у его пленника, и они должны остановиться на дороге. Здесь, к неожиданному удивлению, получает Лысенко повеление от своего генерала – сдать пленного Костюшко присланному офицеру, а ему самому возвратиться к армии. Федор с прискорбием сердца, но безропотно повинуетя священной воле начальства.

...После столь важной потери поляки укрепили Прагу и приготовились к упорной обороне. Предместие сие служило щитом Варшаве и ключом к покорению Польши. Гарнизон Пражский состоял из 80 тыс., россиян было 43 тысячи.

На заре 24 октября 1794-го двинулись русские к приступу. Левым крылом предводительствовал славный генерал Ферзен, в 6-й колонне оно под начальством генерал-майора Рахманова находился Лысенко. Несчастье не умалило его храбрости, грусть не ослабила его геройской отважности. Лысенко летит вперед колонны Сибирского гренадерского полка, набирает охотников и с ними открывает путь следовавшим за ним войскам, ничто не может противостоять их пагубным штыкам или убийственному огню – уже горсть храбрых во рве, и Лысенко первый является на валу. Скоро на развалинах Праги развеялась хоругвь победителей: 104 орудия и 15000 пленных были их трофеями; на завтра и Варшава преклонила гордую выю свою¹³.

Два подвига столь блистательные для офицера и столь полезные для отечества всякому другому – несколько счастливее Лысенко – принесли бы славу, почести и благосостояние; но Лысенко не скоро получил даже и штурмовой Пражский крест¹⁴. Порадуемся, что Александру Благословенному¹⁵ представлено исторгнуть из бездн бедности и отчаяния воина, служившего с таким отличием отечеству.

Как ни был мужествен Лысенко духом, сколь ни был равнодушен и беспечен, однако не мог перенести столь сильного удара, нанесенного самолюбию, мечтам и надеждам. Он впал в тяжкую, продолжительную горячку. Через годы Лысенко выздоровел, но бедность не позволила ему пуститься в отдаленную столицу Севера, дабы упасть к престолу правосудной Государыни, а тут скоро последовала и самая кончина Ея...¹⁶

В 1796 году он переведен в Переяславский конно-егерский полк, а в следующий год, по

упразднении оногo, поступил в гусарский, наименованный впоследствии Павлоградским. Не получив отставки по просьбе, поданной в 1796 г., он через два года подал другую, и в ноябре 1798 уволен штабс-ротмистром.

Оставив меч, Лысенко приемлет страннический посох и... четыре года скитается по Малороссии, где помещики с удовольствием его принимают и угощают. Вместо неприятелей отечества, он преследует и поражает врагов полей и лесов родимых. Однажды, живя у И.А. Алимова, поехал он с компаниею на охоту. В бороздах нивы, занесенных снегом, они открывают скрывшегося зайца. Дан сигнал, крик охотников и лай собак поднимают беглеца, все стремятся стремглав, дабы не допустить его укрыться в близ лежащем лесу. Лысенко также летит, но, по несчастию, конь его падает в глубокий ров и переламывает себе ногу; товарищи, не замечая сего, исчезают в преследовании зайца. Ушибленный всадник встает кое-как, поправляется, как вдруг из рощи выбегает огромный волк. Лысенко хватает свое ружье и стреляет в него. В ту минуту бросаются на него еще четыре волка. Некогда и бесполезно бы было заряжать ружье. Оборотя его прикладом, он вступает в битву опасную, ужасную: уже три падают под ударами его, но ружье переламывается, и он остается с голыми руками против двух остервенившихся зверей. К счастью, на выстрел приезжают охотники, и израненные волки скрываются в лес. Увидев трех страшных зверей, лежащих у ног богатыря, едва верят они своим глазам и с сими трофеями провожают победителя до дому. В ту же зиму Лысенко из своей добычи сделал добрую себе шубу, подобно герою, поразившему Немейского льва.

В 1804 году Лысенко прибыл или, лучше сказать, пришел в Петербург. Первые шаги его направлены были в Собор Казанской Божией Матери, не для того, чтоб подивиться великолепию храма, но чтоб повергнуть себя скорбного, отверженного в покровительство Владычицы, Утешительницы всех страдальцев сего бренного мира. Внят болезненный стон, услышаны, пламенные мольбы несчастливца: мир и спокойствие наполнили душу его, весело вступает он на порог бедного, подземного жилища своего.

Скоро генерал-адъютант граф Ливен¹⁷ исходатайствовал штабс-ротмистру Лысенко

90 рублей ежегодной пенсии. Сумма сия хотя и составляла верное пособие, но при всей тогдашней дешевизне недостаточна была для единого пропитания, и он за одну квартиру должен был платить более. Но нет худа без добра: - бедность повлекла его в жилище мужа благотворительного и единомысленного. Дмитрий Прокофьевич Трощинский¹⁸, знаменитый сын счастливой Малороссии, принял со сродным ему великодушием достойного земляка и предложил ему стол свой, а в начале 1805 года причислил его в ведомство Почтамта, находившегося в его управлении, с жалованьем по 375 руб. в год...

Чуждый прихотей, желаний, Лысенко с 375 руб. жалованья начинал забывать свою бедность, как непредвиденное обстоятельство изменило совершенно его положение: пришло его время, хотя несколько поздно – жениться. Будучи уже почти 60 лет, он встретился с суженою и – обручился. С умножением семейства усугублялись его нужды, но с помощью благодетелей, он кое-как перебился до 1812 года.

Лысенко лежал на болезненном одре, как грозные тучи находили с запада на Россию. Он слышит, что отечество в опасности, и молит Бога, даровать ему силы – да пролить последнюю каплю крови с защитниками милой отчизны. Желания его исполнились, в том же году 12 декабря уже он был в рядах храброго 3-го Украинского казачьего полка, презрев сетования семейства и забыв преклонность лет своих. Всемиловитейший Государь пожаловал ему на экипировку 1000 рублей. Ободренный сею милостью воин, полетел поражать врагов, оставив жену и детей своих в Петербурге промыслу Божию. Оба года кампании за границую, где российское воинство покрылось бессмертною славою и благословениями Европы, оба года Лысенко служил с отличием и деятельностью. Начальство свидетельствует, что он в 1813 году февраля 1-го сражался под Калишем и участвовал во взятии в плен неприятельского генерала с двумя батальонами пехоты, двумя орудиями и знаменем. В летучем отряде, предводительствуемом генерал-майором Ланским, он действовал: апреля 5-го – под Наумбургом, 17 под Вейсенфельсом, 19 и 20 – под Лютценом, мая 3-го – под Битофсвельдом, 5-го – под Горшою; 8 и 9 в генеральной битве под Бауценом¹⁹ ходил в атаку на пешие колонны, и

во время взятия орудия отличился мужеством и храбростью; 10-го под Рейхенбахом Лысенко ходил в атаку на голландских гвардейских улан; 11 и 12 под Лауценом действовал при прикрытии всей ретирады; августа 7, 10, 11, 14, 15 и 17 близь Яуэра при поражении неприятеля, обратившегося в бегство; под Швейдницею, Горлицем и Голдбергом при истреблении корпуса и пленении французского генерала, под Левенбергом, и вообще участвовал при очищении всей Силезии. Сентября 26, 27, 28 и 30 отличился при Дюбине и взятии оною; октября 4-го и 6-го под Лейпцигом 20 во время атаки и взятии французских орудий действовал с храбростью, мужеством и усердием. Октября с 7-го по 7-е декабря был во многих авангардных делах под командою генерал-майора Г.А. Эммануэля; декабря с 21 по 22 января 1814 года находился при блокаде Майнца, откуда были весьма частые вылазки. Вступив во Францию, Лысенко сражался февраля 19 при переправе войск через реку Эсну и удерживании неприятельской кавалерии, стремился отрезать российских, 20 и 21-го под Соассоном, марта 9 и 10 под Краоном, 11 и 12 под Лаоном, и 18-го при взятии Парижа. 20 августа возвратился с полком в Россию.

И так меч старого воина блистал в 31 сражении, включая непрерывных почти трехтысячных перестрелок с неприятельскими отрядами. Тысячи воинов пали вокруг него в цвете лет своих, в изобилии всех благ земных, при всех упованиях на счастье в жизни: а Лысенко, преклонный в летах, удрученный недостатками, оставленный самою надеждою, Лысенко остался невредим: столь неисповедимы предопределения Всевышнего.

Вот один из всех замечательных случаев, доказывающих особенное попечение о нем промысла. В 1814 году, недалеко от Парижа, сильный легион французов внезапно приблизился к отдаленному и гораздо слабейшему корпусу генерал-майора Г.А. Эммануэля. Оставалось ретироваться, соединиться с ближними войсками и по обыкновению разбить неприятеля. Так и было! Г. Эммануэль отступил, но не имел времени дать знать о том майору Терпелецкому, командовавшему отрядом в 500 человек, разделенному с ним густым лесом. Нужно было известить его, спасти, и было бы поздно послать вестника в обход неприятеля! Искали воина отважного, благоразумного,

который бы взялся пробраться через стан французский, и жребий пал на Лысенко. Ему предлагают сильный конвой, но он избирает только трех казаков из своего эскадрона и, оградив себя знаменем креста, приказав то же сделать своим сподвижникам, смело летит на спасение своих собратий и прямо едет к цепи французской. На оклик часового называет он себя поляком и спрашивает о дороге в деревню, находившуюся позади неприятельского лагеря. Первая хитрость ему удалась: часового его пропускает в стан. Нотути изменяет ему главная его покровительница – ночная темнота, на которую возлагал он удачу своего дерзкого предприятия, – луна ярко вышла из-за черных туч. Навстречу выезжает к нему несколько польских всадников. Синий цвет мундира, твердый голос, с коим он повторяет им вопрос свой о дороге на чистом польском языке, отогнали всякое подозрение. Ему рассказывают они, как проехать ближе к деревне и провожают благополучно через весь стан свой. Избавясь столь явной, ужасной смерти, ибо он мог погибнуть как шпион, Лысенко в глубине сердца благословлял руку чудесную, изъявшую его из отвергнутой бездны и пускается во всю прыть к цели своей. Река служит ему путеводителем; скоро достигает он Терпелецкого, вручает ему повеление генерала и рассказывает об опасности, ему угрожавшей с первым рассветом дня. Мгновенно снимаются пикеты, русские берут в сторону, обходят многочисленного неприятеля, через сутки благополучно соединяются с главным отрядом, и герой наш получает полновесное спасибо!

В числе множества аттестатов, находившихся у Федора Ильича, обращает особенное внимание благодарность, принесенная ему от граждан города Идштейна, в коем он был комендантом в продолжение перехода в 1814 году российских войск через владения Нассавския. Напрасно извинялся он перед начальством в незнании немецкого языка; ему сказали, что честность и опытность его заменят сей недостаток, и Лысенко оправдал сей отзыв на самом деле. По окончании Отечественной войны Федор Ильич получил чины штабс-капитана, подал прошение в отставку и в 1816 году уволен от службы ротмистром, с мундиром и пансионом половинного жалования (170 руб.)

Курский помещик И.П. Сомов, юный летами, но старый наследственными добродетелями, предложил ему в 1818

году убежище в своей деревне Акшеневе. Радостно отправился туда Федор Ильич со своим семейством; уже полагал он кончить покойно дни свои в поместье благотворительного юноши, как неожиданная смерть сего последнего, воследовавшая в Петербурге 1819 года, расстроила его планы. С потерей его он потерял верное пристанище и решился, оставив в деревне семейство свое, ехать в Петербург искать счастья у престола великодушного Монарха – просить крова в угрожающей старости. И не ошибся. 1820 в февраль месяц Государь повелел Правительствующему Сенату отвести ротмистру Лысенко в награду ревностной долговременной его службы 1000 десятин

в Саратовской губернии и пожаловать 1000 рублей единовременно для проезда туда.

Благословляя Великого Монарха и ревностных исполнителей Его благой и праведной воли, Лысенко отправился в Саратов в упоении сердца и утешительных надежд. Между тем состоялся укаяз, чтоб за малочисленностью земель, в той губернии оставшихся, приостановиться вообще раздачею оных, и Федор Ильич, покинув на дороге дочь, с женою притащился опять в столицу...²¹

Примечания:

1. Ф.И. Лысенко родился 12 февраля 1751 г. в с. Выгорное Белгородской губернии. Умер 29 апреля 1832 г. в г. Тим Курской губернии (Большая Курская энциклопедия. Т. 1. Кн. 2. Курск, 2008. С. 40).
2. Таврия – в XVIII в. российское название Крыма.
3. Имеется ввиду русско-турецкая война 1787-1791 гг.
4. Крепость Очаков была взята русскими войсками 6 декабря 1788 г.
5. По-видимому, имеются ввиду победы русских войск под командованием А.В. Суворова под Фокшанами (1789 г.) вблизи Бендер, взятие Белгорода-Днестровского (1790 г.), осада крепости Килия (на Дунае) незадолго до штурма Измаила.
6. В ходе Мачинской битвы 29 июня 1791 г. корпус Кутузова, совершив глубокий маневр, атаковал и разбил правый фланг турецкой армии, после чего противник в беспорядке отступил.
7. 24 октября 1794 г. русские и прусские войска под общим командованием А.В. Суворова штурмом овладели столицей Польши – Варшавой.
8. Сарматы – презрительное наименование поляков, упоминавшееся в России с начала XVII века.
9. Тадеуш Костюшко (1746-1817) – руководитель польского освободительного восстания 1794 года.
10. Большое сражение, в котором силы польских конфедератов потерпели поражение от русско-прусских войск, состоялось 29 сентября 1794 г. севернее Варшавы. Объединенными войсками командовал А.В. Суворов.
11. А.В. Суворов
12. Императрица Екатерина II.
13. После взятия Варшавы А.В. Суворовым революционное правительство было уничтожено, и власть вернулась к королю Станиславу – Августу. Он писал Екатерине II: « Судьба Польши в ваших руках; ваше могущество и мудрость решит ее... ». В ответ Екатерина II написала: « Не в моих силах было предупредить гибельные последствия и засыпать под ногами польского народа бездну, выкопанную его развратителями, и в которую он, наконец, увлечен... ». 13 октября 1795 г. был проведен третий раздел Польши, которая исчезла с политической карты Европы до 1918 г.
14. Особая награда за участие во взятии Варшавы в 1794 г.
15. Император Александр I.
16. Императрица Екатерина II скончалась в Санкт-Петербурге 6 ноября 1796 г.
17. Близкий друг императора Павла I.
18. Бывший статс-секретарь Екатерины II, влиятельное лицо при Александре I.
19. 8-9 мая 1813 г. под Бауценом шло ожесточенное и кровопролитное сражение. Вместе с армией М.Б. Барклая-де-Толи силы союзников насчитывали 65 тыс. русских и 28 тыс. пруссаков при 610 орудиях. Наполеон привел под Бауцен около 150 тыс. солдат и офицеров при 300 орудиях. 9 мая 1813 г. русские и прусские войска потерпели поражение и отступили.
20. Битва в районе Лейпцига, состоявшаяся 4-6 октября 1813 г., получила название «битвы народов». В сражении Наполеон потерпел сокрушительное поражение, потеряв 60 тыс. убитыми и ранеными, 20 тыс. пленными, лишившись 325 орудий. Потери союзников составили около 50 тыс. человек.
21. Последние годы жизни ротмистр Ф.И. Лысенко провел в Тиму Курской губернии. Там и был захоронен на местном кладбище. На могиле Ф.И. Лысенко установлен крест (см. фото).

(Отечественные записки. 1822. Ч. XII. Кн. XXX. С. 44-60; Кн. XXXI. С. 179-195. Автор не указан, предположительно – Н.А. Полевой. Комментарии А.Н. Манжосова)